

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Зуева Елена Романовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Затеси В.П. Астафьева: идейно-тематическое и художественное единство
на примере пятой и шестой тетрадей
(литературоведческий и методический аспект)**

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя
профилями подготовки)
Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык и
литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой
мировой литературы и
методики ее преподавания
канд. филол. наук,
доцент Полуэктова Т.А.

_____ (дата, подпись)

Руководитель канд. филол. наук,
доцент Садырина Т.Н.

_____ (дата, подпись)

Дата защиты _____
Обучающийся Зуева Е.Р.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск 2021

Содержание

Введение	3
Глава 1. Роль творчества В.П. Астафьева в контексте литературы второй половины XX века.....	6
1.1. Периодизация и идейно-тематические особенности творчества В.П. Астафьева.....	6
1.2. Затеси как разновидность жанра миниатюры в русской литературе..	11
Вывод по первой главе	16
Глава 2. Идейно-тематические и художественные особенности пятой и шестой тетрадей книги «Затеси».....	18
2.1. Характеристика тетради «Древнее, вечное» как циклического единства	18
2.2. Характеристика тетради «Последняя народная симфония» как циклического единства.....	24
2.3. Выразительные средства языка произведений В.П. Астафьева Красноярского периода	29
Выводы по второй главе.....	39
Глава 3. Организация внеурочной работы по литературе (на материале шестой тетради книги «Затеси»).....	40
Заключение.....	49
Список использованной литературы.....	52
Приложение А.....	57
Приложение Б	58

Введение

Проза В.П. Астафьева (1924-2001) является важным объектом научного исследования. На протяжении десятилетий изучались характерные для писателя темы, жанры, язык, стиль, особенности поэтики произведений. «Затеси» В.П. Астафьева неоднократно становились предметом исследования отечественного литературоведения и прежде всего в плане тематического, стилевого и жанрового многообразия. Примером могут быть названы статьи В. И. Бурдина «Жанровое своеобразие «Затесей» В. П. Астафьева», В. А. Зубкова ««Затеси» как жанровая доминанта поздней прозы В. Астафьева». «Затесям» уделено определенное внимание и в монографиях о творчестве В. П. Астафьева: А. Ланщикова «В. П. Астафьев (Жизнь и творчество)», В. Курбатова «Миг и вечность (о творчестве В. П. Астафьева)». В диссертациях, научных статьях, докладах рассматривались характерные для писателя темы, поэтические особенности произведений, философское наполнение его творчества. В 2019 году коллективом красноярских исследователей осуществлено издание словаря-справочника «Все произведения В.П.Астафьева. Пермский период» [В.П. Астафьев. Словарь-справочник, 2019], в котором приводится информация о произведениях первого периода творчества писателя. Однако работы, посвященные целостному анализу идейно-тематических и художественных особенностей затесей последнего, Красноярского, периода творчества, отсутствуют, что определяет **актуальность** предлагаемого исследования.

В качестве **объекта** данного исследования избраны тексты пятой и шестой тетрадней книги «Затесей» В.П. Астафьева.

Предметом исследования является поэтика затесей.

Целью данной работы является выявление идейно-тематического и художественного единства коротких рассказов из книги «Затеси», созданных в красноярский период творчества. Мы будем опираться на периодизацию творчества В.П. Астафьева, предложенную П.А. Гончаровым, в соответствии с которой красноярский период – с 1980-го по 2001-й год.

Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Изучить роль творчества В.П. Астафьева в литературе второй половины XX века;
2. Выявить особенности затесей как малого прозаического жанра;
3. Установить тематические и стилистические особенности пятой и шестой тетради книги «Затеси».

Цель и задачи исследования определяют использование комплексной **методики** анализа материала. В работе использованы метод описательной поэтики, культурно-исторический, историко-генетический методы.

Материалом исследования послужили пятая и шестая тетради книги «Затеси» В.П. Астафьева. Изучены 19 текстов тетради «Древнее, вечное» и 28 – тетради «Последняя народная симфония», относящиеся к красноярскому периоду творчества писателя.

Научная новизна работы заключается в том, что целостного, полного анализа затесей красноярского периода В.П. Астафьева ранее проведено не было.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования расширяют и углубляют современные знания об идейно-тематических и художественных особенностях отдельных тетрадей книги «Затеси» как литературных циклов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования на уроках литературы в 5-11 классах. Возможна организация интегрированных уроков (литература и история, литература и музыка). Материалы выпускной квалификационной работы также могут помочь в научно-исследовательской деятельности старшеклассников. Кроме этого нами представлена методическая разработка внеклассного занятия («Музыка – молитва пробуждения человеческой души...») по рассказам шестой тетради книги «Затеси»), основанного на синтезе творческой и проблемно-исследовательской деятельности.

Структура. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников, приложения.

Работа прошла апробацию на двух конференциях: Международная научная конференция «Современная русская утопия: трансформация метажанра» (2020 г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения» (2021 г.)

Также статья, которая послужила материалом для ВКР, опубликована в следующем сборнике: «Материалы I Международной научно-практической конференции «Воропановские чтения» (2020 г.).

Глава 1. Роль творчества В.П. Астафьева в контексте литературы второй половины XX века

1.1. Периодизация и идейно-тематические особенности творчества В.П. Астафьева

Виктор Петрович Астафьев родился в 1924 году в селе Овсянка Красноярского края. В 1942 г. добровольцем ушел на фронт, воевал рядовым. После войны окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. До 1963 г. жил и работал в Пермской области, затем вернулся на родину. Можно отметить, что «жизненный путь писателя имеет кольцевую композицию: первые годы жизни – до 18 лет – он провел в Приенисейской Сибири (Овсянка, Игарка, Красноярск), и последнее двадцатилетие жизни Астафьева тоже было связано с малой родиной» [В.П. Астафьев. Словарь-справочник, 2019]. Село Овсянка стало, не без усилий Астафьева, крупным культурным центром Красноярского края. «Астафьев – дважды лауреат Государственной премии (1978 г., за книгу «Царь-рыба»; 1991 г., за повесть «Зрячий посох»). Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького. В 1997 г. удостоен Пушкинской премии фонда Альфреда Тепфера» [Вокруг Сталина, 2000].

В. П. Астафьев оставил потомкам замечательное творческое наследие. Писатель обладал словесным даром, отличающим настоящего художника, который заключается в способности зримо, узнаваемо и как будто просто передать картину, события личной и вместе с тем общей народной судьбы. Свой творческий путь Астафьев начал в 1951 году рассказом «Сибиряк» («Гражданский человек»), продемонстрировав особую непокорность по отношению к устойчивому идеологическому канону соцреалистической литературы о войне.

«Основные темы творчества Астафьева – Великая Отечественная война, жизнь сибирской деревни, человек и природа» [Шленская, 1982].

Считается, что творчество Астафьева принадлежит двум направлениям литературы, заявившим о себе в 1960-е - 1970-е годы. С одной стороны, это проза фронтовиков – наивных и юных старшеклассников, прямо из-за парты угодивших на войну, – «окопная правда», встреченная в штыки официальной критикой и литературным начальством.

С другой стороны, творчество Астафьева знаменует начало так называемой деревенской прозы, мало-помалу открывавшей истинную картину коллективизации и ее долгих, последовательных и разорительных результатов.

По мнению составителей словаря-справочника Пермского периода, тематический диапазон астафьевского творчества неправильно, нецелесообразно ограничивать маркировкой – «военная», «деревенская», «экологическая» проза. В.П. Астафьев писал о русской жизни, не делимой на мир и войну, город и деревню, природу и цивилизацию [В.П. Астафьев. Словарь-справочник, 2019]. Писатель показал все, чему сам был очевидцем, в чем участвовал, что пережил. Бытийная проблематика включает и нравственный, и социальный, и натурфилософский, и христианский аспекты. Мотивы родства, благодарности, памяти, утраты духовных ценностей, распада человечности, наступления цивилизации на природу, трагических последствий социальных преобразований и войны, и главный мотив преодоления – мотив борьбы за жизнь в физическом и духовном смыслах – вот далеко не полный перечень всего, что определяет ключевые смыслы произведений Астафьева.

Гончаров разделяет творчество Астафьева на три периода [Гончаров П.А., 2004]. Первый пермский период (1951-1969) характеризуется становлением жанрово-стилевой системы и кристаллизацией проблематики творчества В.Астафьева. Все характерные для писателя жанровые формы (рассказ, роман, повесть), все темы и мотивы его творчества (природы, искусства, поисков веры, войны, деревни, власти, злодейства, сиротства) были намечены Астафьевым уже в этот период. Гончаров называет этот

период пермским, или уральским, так как писатель в это время жил в городах Чусовой (Пермская область) и Пермь.

Произведения, написанные в это время, являются как бы ученическими, это первый писательский опыт автора. В этот период формируются основные типы героев, такие как бакенщики, охотники, таежник-отшельник, относящиеся к положительным персонажам, и приезжие горожане, для которых нет «закона тайги» – отрицательные. Стоит отметить, что в рассматриваемом нами в данной работе красноярском периоде все эти герои также получают развитие. Важными чертами положительных персонажей и вообще людей в целом для писателя являются осознание себя как части природы, полное бескорыстие, готовность прийти на помощь. В этот период определяется и основное место действия в творчестве Астафьева (тайга, берег реки – почти всегда это «пленер», вне жилого помещения). Большая часть действующих лиц Пермского периода – возрастные герои: дедушка, бабушка – внук, внучка. Складывается стремление писателя к разрушению советских стереотипов: картина войны как тяжелой работы. Этой темы касается новый мотив, получивший резонанс, – «милость к падшим»: в ряде рассказов герой видит в немце не только врага, а человека.

Гончаров выделяет в этом периоде два этапа. Первый охватывает с 1951 по 1958 годы. Астафьев пишет «Гражданского человека», сборник «До будущей весны», роман «Тают снега» и другие. «На этом этапе уже заявляет о себе тенденция неприятия упрощенного подхода к важным жизненным и эстетическим проблемам, хотя сам писатель не избегает некоторых порицаемых им просчетов».

Во второй период, длящийся с 1958 по 1969 годы, Астафьев пишет одни из самых известных своих произведений – «Перевал», «Звездопад», «Кража», первая книга «Последнего поклона». В творчестве Астафьева ощущается связь со складывающимися в это время литературными течениями («лирическая» проза, «деревенская проза», «военная проза»). «Активно идет кристаллизация собственных эстетических (русская классика), социально-

этических (крестьянский традиционный консерватизм) и философских (пантеизм) приоритетов писателя» [Гончаров, 2004]. Рубежной между первым и вторым периодами творчества В.Астафьева стала публикация повести «Последний поклон» (1968).

Второй вологодский период (1969-1980) – время жанрово-стилевых открытий писателя. Он создает оригинальные, универсальные по жанру и стилю «современную пастораль» («Пастух и пастушка»), «Оду русскому огороду» и «повествование в рассказах» («Царь-рыба»). Последнее произведение синтезирует миф с жанром рассказа и повести, с традициями лирики.

Продолжается развитие связей с литературными течениями, особенно с «деревенской прозой». В то же время, писатель стремится вычлнить в ее рамках и вне их свой «голос». Философской основой мировидения писателя наряду с пантеистическими представлениями всё более оказываются христианские идеи греха, жертвы, искупления, воскресения. Для стилиевой манеры В.Астафьева этого периода характерно повышение роли автора, автобиографического героя.

Третий сибирский (Красноярский) период (1980-2001), затеси которого мы рассмотрим в данной работе, оказался для писателя самым продолжительным и наиболее продуктивным по числу созданных произведений.

Стоит отметить, что ряд произведений Астафьева, которые были написаны в годы жизни в Чусовом, Перми, Москве, то есть во время Пермского периода, попадают под определение «сибирский текст». Ностальгическая нота, сибирские мотивы присутствуют и в «Царь-рыбе», и в «Последнем поклоне», и в «Оде русскому огороду», и во многих лучших астафьевских творениях. Пространство Сибири, ее пейзажи, мотивы, образы, язык – это, по сути, главное, что отличает художественный мир писателя, становясь его доминантой».

«Для Астафьева наиболее значимой представляется в этом периоде завершение эволюции от пантеизма к христианскому мировосприятию, обогащение поэтики и стиля за счет синтеза трагического и комического в образности произведений» [Гончаров, 2004]. В этом периоде Гончаров также выделяет два этапа. Первый (1980-1988) представляет собой переходное время продолжающегося подцензурного творчества. Писателей этого времени (Ч.Айтматов, В.Крупин, В.Распутин, А.Рыбаков и другие) волнует прежде всего тема кризиса нравственности. В.П. Астафьев критикует социальные и политические устои, выразившейся в активизации тенденции отрицания, сатирической образности в произведениях той поры. На этом этапе на Астафьева оказывали большое влияние русские классики, они способствовали творческой эволюции автора, заключающейся в переходе от пантеизма к христианскому мировосприятию.

Второй отрезок (1989-2001) характеризуется ослаблением идеологического давления государства на писателей. Большой вес и влияние в литературном процессе приобретает «возвращенная» литература (И. Бунин, А. Солженицын, В. Максимов, Г. Владимов, Л. Бородин, В. Аксенов и другие). Астафьев приветствует утверждение либеральных принципов в современном обществе и государственной жизни, являясь, в то же время, традиционалистом и консерватором в оценке фактов и явлений русской истории. Он воспринимает происходящее как события, позволяющие вернуть русской жизни ее христианские нравственные основы. В области поэтики и стилистики В.П. Астафьев эволюционирует к апокалипсической образности, к проповедническим интонациям, но вместе с тем – к эпатирующей «свободе» тем и выражений, внешне сближающих его с литературным постмодернизмом, ставшим своеобразным «знамением» литературы 1990-х годов. «На первый план выходит деидеализация, мотивы распада, дисгармонии. Жестокая реальность – вместо былой пасторали или литературной игры в нее» [Большакова, 2005]

1.2. Затеси как разновидность жанра миниатюры в русской литературе

Для русской литературы XIX – нач. XX веков жанр миниатюры считается традиционным. И.С. Тургенев, И.А. Бунин, многие писатели серебряного века считаются предшественниками этого жанра.

Интересно, что данный жанр после затишья в советский период возвращается только в 60-80-х гг. и достигает пика своей популярности. Во второй половине XX века появляется большое количество крупных произведений, и одновременно активизируется малоформатная проза, представленная широким спектром различных жанров: социологические и социально-философские очерки, бытовые, портретно-психологические и лирико-пейзажные новеллы, путевые зарисовки, эссе, лирические дневники писателя, рассказы-корреспонденции, автобиографические и документальные записи. Одной из основных особенностей всех этих жанров является острое восприятие современности через призму нравственных осознаний.

Еще одним широко разрабатываемым жанром этого времени является лирическая проза. Лиризм также традиционен для русской прозы. Так, его разрабатывали И. С. Тургенев, Н. В. Гоголь, М. М. Пришвин, И. А. Бунин, В. В. Вересаев и другие.

Несмотря на это, есть и еще одна причина появления лирической прозы в 1950-1960 годах. Н.Н. Яновский [Яновский, 1982] считает, что это связано с значительными историческими событиями, произошедшими в данный период. Крупные перемены в общественной и культурной жизни страны вносили новое в понимание личности, ее взаимоотношений с окружающим миром. Теперь человек осознавал себя личностью, способной принимать деятельное участие в жизни общества, осознавал свою индивидуальность и неповторимость.

К лирическим произведениям малых жанров этого периода стоит отнести «Бухтины Вологодские» В. Белова, «Камешки на ладони» В. Солоухина, «Крупинки» В. Крупина, «Крохотки» А. Солженицына, «Трава-мурава» Ф. Абрамова, «Мгновения» Ю.Бондарева, «Затеси» В. Астафьева и др.

Все эти произведения воспринимались, в основном, как эксперимент, как поиски новых форм, новых приемов художественного изображения. «Скорей всего, подобная «малая проза» – самый авторский, самый личный жанр в русской литературе. Разительно свой у всех, кто к нему обращался: у Тургенева, Розанова, Бунина, Пришвина, Солоухина, Куранова, Астафьева, Бондарева...», по мнению В.И. Коробова [Коробов, 1984].

Инициаторами развития данного жанра в русской литературе выступили поэты старшего поколения: С. Щипачев, О. Колычев, П. Антокольский, В. Боков, начавшие включать прозаические миниатюры в состав собственных стихотворных книг. Вскоре их сменили прозаики, причем сначала ориентированные на лирическую прозу (В. Солоухин, В. Астафьев), а за ними и прочие. При этом создаются достаточно отличные друг от друга структурно-жанровые авторские модели миниатюр, что подчеркивается индивидуальными жанровыми подзаголовками, которые должны были показать их независимость от тургеневской традиции.

Миниатюры В.П. Астафьева появились одними из первых. Впервые несколько рассказов из будущего цикла «Затеси» были напечатаны в пермской газете «Звезда» (1968) и в еженедельнике «Литературная Россия» (1969), а в 1972 году была впервые издана книга коротких рассказов «Затеси» (М., Советский писатель), который далее неоднократно переиздавался, включая в себя все новые и новые миниатюры.

«Затеси» В.П. Астафьева – это лирическая книга, которую автор писал на протяжении всей творческой жизни. Внутри «Затесей» он выделил семь тетрадей, каждая из которых являет собой некое циклическое единство.

В предисловии к изданию своей книги В.П. Астафьев пишет: «... в любом возрасте у человека, тем более у творческого, есть желание запомнить и рассказать доверительно, в узком кругу, увиденное, поразившее воображение, интересные факты из жизни, истории или явлений природы, дорожные впечатления, мимолетные разговоры, просто поделиться интересной мыслью, мелькнувшей или застрявшей в голове...» [Астафьев, 1997]. Именно желание высказаться, поделиться опытом побуждает писателя искать все новые пути к собеседнику, а с помощью коротких «записей-миниатюр» «можно скорее «настичь» бегущего, занятого работой, затурканного бытом современного читателя».

Слово «затеси» – чисто сибирское. Как пишет Астафьев, «затесь – это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники» [Астафьев, 1997]. Именно такие затеси – зарубки на стволах деревьев – помогли однажды в детстве мальчику Вите Астафьеву не заблудиться в тайге. Точно так же отдельные произведения из книги – зацепки для памяти, своеобразные меты, чтобы определить и сверить свой жизненный путь.

«Затеси – не просто сценки, зарисовки, заметки из писательского блокнота. Объединенные этим авторским термином, разные затеси весьма различаются между собой и по размеру, и по жанру, и по стилю» [«Затеси» - зарубки на сердце]. Есть тут и кратчайшие миниатюры, больше похожие на стихи, есть и философские притчи, и живописные этюды, воссоздающие красоту природы, и полноценные рассказы – с сюжетом, характерами, динамикой повествования. Поэтичность и музыкальность вообще присущи прозе Астафьева, но особенно эти качества ощутимы в затесях.

В книгу В.П. Астафьева «Затеси» вошли короткие рассказы – воспоминания, лирико-философские раздумья о жизни, о природе, о любви, бытовые зарисовки. В центре внимания писателя социально-нравственные проблемы нашего общества. По мнению В.А Зубкова, «груз пережитого и передуманного стал для Астафьева столь велик, а ощущения

самодостаточности накопления мыслей о жизни – столь несомненно, что они отодвинули в сторону традицию литературного сочинительства во имя подлинного факта и свободы авторского высказывания. Все это делает «Затеси» жанром, наиболее органичным творческому методу «позднего» Астафьева» [Зубков, 2011].

Сложный жанровый сплав лирико-философской миниатюры потребовал от писателя и особой композиции. В.А. Зубков сравнивает структуру затесей с перевернутым конусом, «в острие которого – какое-либо малое, но памятное автору событие или явление, а в основании – главное, мысль Астафьева о жизни, далеко выходящая за рамки этого факта». Связь между событием и мыслью реализуется тремя способами: через резюмирование происшествия, образную антитезу или эмоционально и мыслительно нагруженное слово [Зубков, 2005].

В «Затесях» есть все: размышления о жизни и смерти, о смысле бытия и его конечности, о прошлом, настоящем и далеком будущем огромной страны, но больше всего волнует автора сам человек, его прошлое и будущее, его душа, его нравственные устои.

Многие затеси посвящены воспоминаниям о войне, путешествиям, охоте и рыбалке, житейским радостям и печалям.

Несколько затесей посвящено людям искусства, таким, как певица Елена Образцова ("Все о тебе"), артист Николай Симонов ("Последний трагик России"), красноярский живописец Борис Рязов ("Душа художника"). Ностальгией по далекому детству пронизаны затеси, посвященные отцу, матери, жене. Важно, что ностальгических воспоминаний о недавнем советском прошлом в миниатюрах не будет. Это же касается и объяснений в любви к соотечественникам, которых Астафьев чаще бранил за лень, пьянство и безалаберность. В отличие от иных нынешних деятелей культуры он был не склонен восхищаться «национальными особенностями» русского характера.

Итак, «Затеси» – сложный жанровый сплав, в котором отражается лирическое восприятие мира, ощутимы лирические интонации, но по сути своей это философское обобщение на основе многочисленных бытовых ситуаций, поступков, пейзажных наблюдений, ситуативных ассоциаций, облеченное в форму лирического дневника.

Жизнь каждого человека, по мнению В. Астафьева, должна быть наполнена стремлением «мыслить и страдать» и, страдая, открывать такие вроде бы рядом лежащие, будничные, но наполненные высочайшим смыслом истины: «Все и все, кого любим мы, есть наша мука...»

Поэтому «Затеси» среди прочих книг выделяются открытостью счета. Это «фотографии» минут горя, восхищения, страдания, духовного прозрения, «хоровод» остановленных мгновений, «когда еще не вошла муза, а только–только ударило сердце».

В. Кожин в разговоре о «Затесях» назвал это качество «напряженным внутренним лиризмом» и отметил в миниатюрах В.П. Астафьева «особенное качество эстетической правды, в силу которого она, эта правда, была в большой русской литературе необходимым условием красоты и добра» [Кожин, 1973].

Стоит сказать и том, что в затесях, над которыми Астафьев работал на протяжении всех периодов творчества, проявились наиболее характерные особенности стиля писателя: реалистичность, автобиографизм, публицистичность, лиризм, психологизм, символизм, философичность, романтичность, народность. Они представлены и описаны в работах многих критиков: Н.Н. Авчинниковой, Е. Ермолина, С. Залыгина, А.А. Ильина, В. Курбатова, А.Ф. Лапченко, Л.Г. Самотик, А.М. Старцевой, Л.Г. Швеха, Н. Яновского и др. [Падерина, 2016] Как особенность стиля также отмечается наличие стилистически маркированной лексики, а именно неологизмов, диалектизмов, просторечий, национализмов, историзмов, архаизмов, экзотизмов. Для стиля Астафьева характерны поэтичность и музыкальность, реализующиеся за счет эмоционально-экспрессивной лексики, которая

позволяет достигнуть единства художественной формы всей книги, состоящей из сюжетно завершенных рассказов (эпитеты, метафоры, сравнения, параллелизмы).

Что касается героев, то на первом месте всегда персонажи, рассказывающие о себе, о жизни, о сложных ситуациях, которые с ними происходят. Причем, автор, как будто намеренно, всегда рядом со своими героями. Он прислушивается, присматривается, наблюдает и даже, иногда, помогает. В книге нет выдуманных историй. Все, о чем рассказывается, происходит либо с рассказчиком, либо с персонажами произведений.

Вывод по первой главе

Итак, творчество Виктора Петровича Астафьева можно разделить на три периода: Пермский (1951-1969), Вологодский (1969-1980) и Красноярский (1980-2001). Первый период характеризуется становлением жанрово-стилевой системы и кристаллизацией проблематики творчества В.П. Астафьева. Во время второго периода происходят жанрово-стилевые открытия писателя. В третий, интересующий нас период, Астафьев создает наибольшее количество своих произведений. Наиболее значимым для него является завершение эволюции от пантеизма к христианскому мировосприятию, обогащение поэтики и стиля за счет синтеза трагического и комического в образности произведений.

На протяжении всего творчества писателя проходят темы Великой Отечественной войны, жизни сибирской деревни, человека и природы, мотивы родства, благодарности, памяти, утраты духовных ценностей, наступления цивилизации на природу, трагических последствий социальных преобразований и войны.

Определяющей «доминантой» художественного мира Астафьева является «сибирский текст»: пространство Сибири, ее пейзажи, мотивы, образы, язык.

Затеси как жанр миниатюры появились одними из первых в русской литературе. В.П. Астафьев писал их на протяжении всей творческой жизни. Внутри книги «Затеси» он выделил семь тетрадей, каждая из которых является собой некое циклическое единство.

«Затесь – это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом. Делали его первопроходцы и таежники», – как пишет сам Астафьев. В его творчестве затеси подобно стесам являются зацепками для памяти, определителями жизненного пути.

В книгу В.П. Астафьева «Затеси» вошли короткие рассказы – воспоминания, лирико-философские раздумья о жизни, о природе, о любви, бытовые зарисовки. В центре внимания писателя социально–нравственные проблемы нашего общества. Миниатюры имеют сложный жанровый сплав, в котором отражается лирическое восприятие мира и в то же время философское обобщение на основе многочисленных бытовых ситуаций, поступков, пейзажных наблюдений, ситуативных ассоциаций, облеченное в форму лирического дневника.

Затеси имеют и стилистическое единство, позволяющее достигнуть художественной цельности всей книги. В них отразились разговорная речь, неологизмы, диалектизмы, историзмы, эпитеты, метафоры, сравнения, параллелизмы и эмоционально–экспрессивная лексика.

Глава 2. Идеино-тематические и художественные особенности пятой и шестой тетрадей книги «Затеси»

2.1. Характеристика тетради «Древнее, вечное» как циклического единства

Взятые по отдельности миниатюры «Затесей» – самостоятельные и завершенные произведения, но, будучи объединенными по несколько миниатюр в циклы и за тем в книгу, они обретают новое звучание.

Идейно-тематическое и художественное разнообразие становится принципиальной чертой, создающей эффект мозаичной объемности, всеохватности взгляда на мир.

Большая часть сборников книги «Затеси» озаглавлена традиционно по ведущему рассказу. Этот рассказ размещен в самом начале сборника, задавая общую эмоциональную тональность («Древнее, вечное», «Вздых», «Рукою согретый хлеб»), или в середине («Падение листа», «Видение», «Игра», «Последняя народная симфония»). Стоит отметить, что миниатюра «Древнее, вечное» относится к Вологодскому периоду. Также в тетради есть и другие затеси, относящиеся не к Красноярскому периоду (Вологодский: «Жизнь Трезора», «Вороны-охотницы», «Он живой!», «Удар сокола», «Орлан-могильник», «Крестьяни», «Бедный зверь»; Пермский: «Радость первого полета», «Зачем я убил Коростеля?»), что говорит о том, что мотив «древнего, вечного» формировался и волновал писателя на протяжении всего творческого пути.

Семантическое подполе «Древнее, вечное» содержит идеи древнего как вечного и вечного как коррелята Божественного. Особый характер подполя «Древнее, вечное» обусловлен относительной автономностью концепта «вечность» в русской картине мира и предопределяет изменение логики научного описания – «от формы к содержанию».

Слово «древнее» указывает на отнесенность к прошлому, «вечное» – на сохранение «древнего» в настоящем. Круг сочетаемости слова «древний»

широк и имеет сакрально положительный смысл: «древняя грусть», «древняя душа», «древняя девственная тишина» (осени), «древний расчет» (о простоте и понятности вещей) и т. д. Положительный смысл номинации «вечное», «вечность» получают из контекстного окружения, которое включает слова скорбь, грусть, печаль, плач, музыка, Бог, молитва, небо, память, успокоение, очищение, мудрость, смысл жизни, истина бытия, брэнность человеческой жизни, одиночество, жизнь, смерть, инобытие, поэт, музыкант, артист и др. Постоянное контекстное сближение дает основание утверждать, что слова «вечный», «вечность» в качестве дополнительных приобретают авторские коннотации, среди которых важнейшими являются «изначальное», «истинное», «печальное» [Бобкова, 2007].

«Концепт «древнего» у В.П. Астафьева можно попытаться определить как утверждение автора о причастности человека к глубинным токам природной жизни, об органической зависимости от нее: писатель сам указывает, что для него это древнее, вечное – «лес, лошади, кусты, травы, отцветающие рябины, отбелевшие черемухи». Он говорит и о том, что способность к ощущению вечного в калейдоскопе жизни чрезвычайно ценна: «Что-то древнее, неотступное стронется в нас... и все вокруг обретет иной смысл и цвет»» [«Что-то древнее в нас...»].

Во всем своем творчестве Астафьев особо выделяет природу: «На эту вот болезненную тему я начал писать по существу сразу, как попала под хвост литературная вожжа, не оставляю эту тему и поныне, хотя понял всю тщетность посредством слова образумить людей и остановить разорение земли» [Астафьев, 1997].

Природные объекты, такие, как небо, солнце, звезды, река, травы становятся у писателя знаками вечного. Все они представлены у писателя в метафорических антропоморфных аналогиях. *(«Вспенно, взлохмачено, сердито кружась, вылетает из теснин и завалов смятая река, чтобы через несколько сажень успокоиться и побежать к далекому батюшке-Енисею, припасть к нему, зарыться в его мягкую, упругую воду истосковавшимся*

лицом, притихнуть на его бугристой груди, успокоиться на нем.» «Крик в тайге» или «выпрастываются камни, да все причудливых, колдовских форм: то баба ялренная телом, без шеи, с маленькой круглой головкой, с надсаженным пузом вызывающе дерзкой грудью выйдет на склон; то завиднеется в кустах шесток намазаной русской печи, на нем грудой «отдыхают после жара ржаные караван...» «Кузяка»). Прием создания такого рода образов крайне типичен для В. Астафьева, однако антропоморфизацию природных объектов писателя нельзя считать лишь рабочим приемом создания метафор. Природа взята автором в моменты непосредственного, естественного, «интимного» самопроявления и показана в абсолютной неотделенности от человеческого.

Помимо сугубо публицистических раздумий о темных и светлых сторонах русской души его тексты наполнены философско-лирическим «думанием о душе». Своеобразно синтезируя в своем метафорическом языке космические и антропоморфные аналогии, писатель делает своей лирической философией «антропокосмизм», мысль о нерасторжимом психосоматическом единстве человека и космоса, природы. Так, вероятно, следует понимать образы древнего, вечного: Астафьев, ощущая «первобытную» подверженность русского человека природным влияниям, природный космос понимает как идеал, как важнейшую из основ народной нравственности.

Подполе «Древнее, вечное » отражает астафьевские представления о дисгармонии современного ему мира [Бобкова, 2007].

В этот период В.П. Астафьев продолжает развивать основные типы героев – это охотники («Крик в тайге»), лесорубы («Алеха»). В большинстве затесей фигурирует только рассказчик, описывающий события и свое отношение к ним.

Важной составляющей творчества Астафьева являются топонимы. Как правило, они связаны с определенными фактами из биографии автора. Изучение этих связей способствует более полному и всестороннему пониманию творческой истории литературного произведения. Стоит

отметить, что иногда в рассказах местность не определена. Основным местом действия остается тайга, Енисей. Иногда появляются места, связывающие человека и природу и позволяющие показать их взаимодействие, часто разрушительное для последней. Например, зоопарк («Унижение»), санаторий на берегу реки Балакурихи («Кузяка»). Действие большей части затесей происходит в Сибири, но некоторые рассказы переносят нас в Пермский край («Ягодка») или даже за территорию России: Колумбия («Больные ламы»), Германия («Максик»).

Основной проблемы цикла является проблема экологии. Она развивается в художественной литературе с 70-х гг. прошлого века, но особенную остроту приобретает в сибирской литературе [Творчество В.П. Астафьева как воплощение..., 2016]. В 1976 г. выходит повесть В.Г. Распутина «Прощание с матерой», в этом же году повествование в рассказах Астафьева «Царь-рыба».

Слово экология имеет в русском литературном языке три значения. Последнее: «Природа и вообще среда обитания всего живого (обычно в плохом состоянии)» [СТСРЯ, 2004]. В настоящее время чаще всего под экологическими вопросами понимаются, прежде всего, вопросы охраны окружающей среды. Во многом такое смещение произошло благодаря все более ощутимым последствиям влияния человека на природу.

Основная тема большинства затесей – это, как правило, губительное для природы взаимоотношение с человеком. Так, мы видим порабощение природы (*«Глядя на невольника-глухаря, я подумал, что когда-то птицы-великаны жили и пели на свету, но люди загнали их в глушь и темень... теперь вот и в клетку посадили. Оттесняет и оттесняет человек все живое в тайге газонепроводами, адскими факелами, электротрассами, нахрапистыми вертолетами, беспощадной, бездушной техникой дальше, глубже...»* «Унижение»); уничтожение (*«И когда я услышал от этого спокойного отца, спокойно рассказывающего о том, как «несмышленная» девочка кормила голубей отравленной пищей, полученной им в*

санэпидстанции, потому что голуби стали болеть, могли заразить людей и животных и нужно было их истребить, то вспомнил, как в другом месте другие «борцы» за здоровье людей обсыпали предвесенний лес дустом, чтобы убить энцефалитного клеща» «И милосердия...»). Астафьев показывает влияние технического прогресса на природу, разрушение человеком природы своей повседневной деятельностью («По древнему зову пришел таймень осенью к тому месту, где был Манский бык, который безо всякой надобности смахнули гидростроители, стал за камни – ближе к живым донным ключам... А возле займища в Овсянскую запань разгрузалась железная лесовозная баржа-колымага, разом обрушив в воду весь лесной груз тонн в семьдесят весом, и, как глупого мелкого ельца, хряпнуло бревнами, оглушило речного красавца, быть может, последнего из тех речных богатырей...» «Мертвый таймень»), а иногда разрушение вместе с природой и самого себя («Да где же оставит его в покое царь природы, коли он себя загнал в отравленный горельник, подыхает там и делает все, чтобы вокруг все живое вместе с ним подохло». «Гнездышки»).

Во многих затесях писатель проводит параллели между природой и человеком. В некоторых случаях не в пользу человека («Мог переехать птицу? Запросто! Потом ее сварил бы – и на закусон. Не сварил! Не съел! Это же подвиг, товарищи?! Про это надо в газетах писать, а не про бабов-курвов, что детей плодят и по всему белому свету рассеивают...» «Алеха»), а иногда, сравнивает тяжелую жизнь человека с выживанием растений и животных («Но ничего не поделаешь – так они и живут в памяти рядом: цветок, что никогда не станет ягодой, и девушка, которой не видеть счастья.» «Ягодка»; «Но скорее всего, померла скопа от голодной старости... Ах, старость, старость – всем-то, всем как есть она не в радость» «Тихая птица»).

Несмотря на то, что проблема экологии является основной, в цикле представлены затеси, отражающие единство человека и природы, положительное влияние «вечного» на человека («Тот человек давно уж на

свободе. Давно живет законной жизнью, но глядеть на звезды привычки не утратил. И часто плачет он, глядя на них, потому что каждая звезда кажется ему бесцельно, зазря прожитым годом». «Летящая звезда»).

Тетрадь заканчивается миниатюрой «Глухарь», в которой городские жители убивают глухаря, убивают «последнюю песню».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многие миниатюры «Затесей» объединены решением проблемы отношения между человеком и природой. Автор старается показать нам, что гармоничные взаимоотношения человека и природы – это основа национально-исторического уклада жизни, способствующего формированию духовной культуры народа. Связь с природой налагает на человека определенную долю ответственности, нравственной обязанности перед «матерью» всего сущего. Именно такой нравственный подход к изображению человека и природы и определяет своеобразие миниатюр Астафьева. При этом поведение человека по отношению к природе раскрывается в миниатюрах по-разному: через яркие детали, через взволнованные лирические монологи, бытовые зарисовки, тонкое изображение явлений природы, публицистические размышления, что определяет разнообразие в построении миниатюр. Используемые образные приемы: встреча, ситуация, внутренний диалог.

Посредством ярких деталей, достоверных, живых описаний природы, автор показывает противоположное отношение людей к природным ресурсам, где-то доброе и внимательное, а где-то беспощадное. А самое главное вызывает к сохранению природы, её охране и очищению. Миропонимание современного человека изменить очень сложно, но попытаться необходимо. Ведь люди привыкли к потреблению, ничего не предлагая взамен. Природа из последних сил пытается выживать, ей это удастся, однако, без пополнения ресурсов, человеческой благодарности так долго продолжаться не может.

2.2. Характеристика тетради «Последняя народная симфония» как циклического единства.

Свои затеси Астафьев писал до последних дней жизни, откликаясь на все события быстротекущей реальности. Вообще Астафьев довольно скептически относился к постперестроечной России, и в будущее русской литературы он также смотрел без особого оптимизма. «Возможно, что литература двадцать первого века будет отпеванием человечества, отображением его полного банкротства и краха», – писал он в 2001 году, незадолго до смерти. «Я пришел в мир добрый, родной и любил его бесконечно. Я уйду из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье. Виктор Астафьев» – эти строки озаглавлены как «Эпитафия» и воспринимаются исследователями как приговор, продиктованный беспросветным тягостным чувством [Кураев, 2009]. Писатель отвергал и не принимал современный мир.

Виктор Астафьев принадлежит той подлинно большой, великой русской литературе, где писатель свое творческое призвание не отделяет от гражданского долга, видит в нем силу, способную преобразить жизнь, утвердить сейчас и здесь добро и человечность.

«Пережитая и до поры невысказанная боль от искалеченной войной молодости, от послевоенного неурейства выплеснулась со всей безжалостной откровенностью, близкой к мстительному чувству. В.П. Астафьев доверял стихийному, внутреннему саморазвитию жизни и отказывался признавать подлинной жизнь, сочиненную людьми, программную, навязанную, как ему казалось, непременно внешними, противостоящими жизни силами» [Кураев, 2009].

В тетради «Последняя народная симфония» находим именно это чувство горького неприятия современной жизни, жалость утраты национального, народного и поиск того мира, где еще осталось что-то хорошее. Писателя

волновала не только народная безответственность, но и утрата жизненных сил нации, а вместе с ними и стремительное вымирание русской деревни.

В этой тетради значительно в меньшей степени развиваются привычные положительные персонажи и места действия. Здесь почти нет природы, нет «вечного». Но появляются отрицательные в творчестве Астафьева персонажи – жители города («Дуда»), вторгающиеся в мирную деревенскую жизнь и разрушающие ее.

Основной темой является противопоставление творчества и несправедливой жизни, поэтов и политиков. Героями многих затесей являются творческие люди. Астафьев описывает судьбу отечественных и зарубежных поэтов и писателей (Николай Феодосьевич Негода, Федор Александрович Абрамов, Эдуард Доувес Деккер), композиторов и певцов (Александр и Геннадий Заволокины, Анатолий Пашкевич, Георгий Васильевич Свиридов, Елена Васильевна Образцова, Виктория Николаевна Иванова, Евгений Евгеньевич Нестеренко, Надежда Андреевна Обухова), актеров и режиссеров (Елена Алексеевна Тяпкина, Милица Корьюс, Николай Константинович Симонов) и даже революционеров (Вера Аполлоновна Оболенская).

Тема музыки проходит через весь цикл. Первые две миниатюры, название одной из которых является и названием тетради, задают тон всему сборнику. В «Мечте» рассказчик описывает свою надежду на то, что после смерти люди могли бы слушать музыку родной земли, вечную музыку и в этом бы заключалось бессмертие, достойное человека. А «Последняя народная симфония» открывает проблему уходящей прежней жизни: *«А душат меня слезы не только от восторга, но и от горестного сознания того, что братья Заволокины вместе с остатками нашего замороченного народа творят последнюю радостную симфонию России»*. Автор уверен, что вместе с народной музыкой уйдет и вера в завтрашний день. Народную музыку Астафьев противопоставляет современному «сбродному злобному искусству», порождаемому «сбродом и шпаной».

Здесь появляется еще одна тема цикла, которую мы уже упомянули. Это тема поиска родного, невраждебного мира. *«Где же наш народ? Куда он улетел? Куда уехал? Убыл надолго ли и песни с собой унес?»* То же мы увидим и в других затеях. Например, в «Щелкунчике», где противопоставляется мир музыки, мир ушедшей счастливой жизни и мир современности (*«Эх, Щелкунчик, Щелкунчик! Светлый праздник! Был ли ты?»*) «Народ нам не спасти уже...»... это не диспут «исследователей», ведущих вековечный русский спор о народе, который «далеко». Это вопль души, словно попавшей в капкан» [На краю отечества].

Мотив музыки включает в себе и почти не проявленный здесь мотив «вечного». Так, в миниатюре «Выстоять», писатель проводит параллель между борющимся со стихиями лесом и выживающими в этом мире людьми. А музыка, «неотгаданная материя и вечная тайна», помогает человеку в этом: *«Музыка возвращает человеку все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле... Музыка и природа – это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не дает ему окончательно одичать»*. Именно музыка может спасти человека, спасти русский народ: *«Мощным хором возносится композитор в поднебесье, набатным колоколом зовет Россию и русский народ: выстоять! Выпрямиться, как тот лес, та могучая тайга под ураганами и бурями! Выпрямиться и выстоять во имя будущего наших детей и во имя сохранения того прекрасного, что накопили на земле ее редкие мудрые страдальцы, гении человечества, эти вечные отважные странники, так на одиноком челне и продолжающие до сих пор бесстрашно плыть по бурному морю жизни»*. В «Кленовой палочке» музыку и природу сближает палочка дирижера, сделанная из родного сердцу автора клена. (*«Встанешь на колени, прижмешься ухом к листку, и кажется, оттуда, из листика, младенческое дыхание слышно, а из плоти дерева, впившегося корешком в живую, древнюю землю, доносится тихая-тихая музыка»*.)

Многие затеси посвящены тяжелой жизни человека в целом (*«Меру своего Божьего дара я всегда знал и никогда не преувеличивал, не страдал*

самоздравием и всегда сознавал: чтобы отобразить звериную, собачью жизнь, моего таланта вполне достаточно, а вот когда вы сумеете устроить на земле жизнь человеческую – явится и Лев Толстой» («Ответ анониму»).

Особенно эта тема развивается в описании нелегкой судьбы творческих людей («Развращенец», «Все о тебе», «Вам не понять моей печали», «Благословляю вас» и другие). Часто в этих рассказах появляются образы политиков, противопоставленные поэтам («Министр и поэт») или высмеянные сами по себе («...ведь вот через тысячи лет была перенята мудрость китайских императоров на нашей российской земле и комиссарствующий работяга с завода имени Кирова показывал донским казакам, как надо пахать землю. И десятки тысяч комиссаров, никогда в жизни к плугу не встававших, коня не запрягавших, во множестве и пашни не видевших, по всей отчине российской учили крестьян русских уму-разуму, звали, тащили, гнали его ко всеобщему благоденствию. И вели, и вели свою непреклонную, прямую борозду и довели-таки ее до наших дней и, как опять же говорится в народе, вовсе разучившемся работать, – допахались до тюки, нет ни хлеба, ни муки...» «Исторический пример»).

Еще одна характерная для тетради проблема – это поиск истоков «пассивности, долготерпения, покорности власть предержащим–отупляющего, замораживающего всякое живое чувство и движение, – страха» [Большакова, 2005]. В рассказе «Приговор Федора Александровича» ответом на вопрос об окончании одобрения глупостей чиновников, веры в их слова становятся размышления попутчика рассказчика: «У меня это кончилось в пятьдесят лет. – Подумал, подумал Федор Александрович и добавил со вздохом: – Но может и никогда не кончиться. Тут характер нужен. – Еще подумал и еще добавил: – Да уважение к себе хоть мало-мальское».

«Интеллектуальная скудость вождей перестройки, предводителей сокрушительных реформ, устроителей «рыночной демократии», именно

интеллектуальная несостоятельность, неспособность предвидеть ни ближних, ни дальних последствий принимаемых решений не в последнюю очередь объясняют, почему и после пятнадцати лет освобождения от власти коммунистов русская деревня, да и большинство городского населения, далеки от «благополучия и сытости» [Кураев, 2009]. В рассказе «Афганец у нога президента» В.П. Астафьев выводит наверное единственный в этой книге положительный политический образ. Но он ярко показывает его отличие от остальных (*«И все время, пока мы шли до гостиницы, пытался я воссоединить двух человек, двух народных слуг – однорукого «афганца», вкушавшего в ногах президента, и выдающуюся депутатку, затесавшуюся за посольский стол. Она хорошо бы вписалась в бурные российские «мероприятия» тридцатых годов, в президиумы того времени, в тройки, в комиссарские продотряды, и кожанка на ней сидела бы ладней, чем цветастое платье. Словом, ничего у меня не получалось – дети одной земли, одного государства никак не соединялись, не смотрелись вместе, хотя и вынуждены были заседать в одном помещении, вкушать бесплатные яства в одном зале.»*)

Таким образом, В.П. Астафьев в «Последней народной симфонии» отражает свое неприятие мира, в котором он живет и пытается найти другой, потерянный, ушедший. По мнению М.Н. Кураева – это стихия крестьянского мира, в его глубинной социально-нравственной неразделенности, это крестьянско-христианский мир [Кураев, 2009].

В статье «Во что верил Гоголь...» писатель обширно цитирует «Старосветских помещиков»: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенной уединенной жизни...» и т. д. После приведенного описания сельской идиллии следует знаменательное признание: «Не знаю, кто как, а я нынче читаю эти строки со щемящим чувством в сердце, с сожалением о чем-то навсегда утраченном, чем люди дорожить не умели, и только придя «ко краю», заболели ностальгией по такому вот тихому, несуетному гоголевскому миру, не орущему о счастье своем, не

доказывающему на кулаках преимущества тех или иных демократий, по миру, живущему надеждою и молитвою о братстве и достижении мировой гармонии с помощью труда, но не все сметающего оружия и злобы, помутивших человеческий разум».

Но «путь крестьянской России окончен, ее певец не принимает новый мир, «чужой, злобный, порочный».

2.3. Выразительные средства языка произведений В.П. Астафьева Красноярского периода

Единство художественной формы в произведении, состоящем из сюжетно завершенных рассказов, достигается за счет использования таких языковых средств поэтической лексики, как диалектизмы, поэтической семантики (эпитеты), вниманием писателя к художественной детали и др. Вопрос о своеобразии стиля В.П. Астафьева рассматривался многими исследователями: (Н.А. Мазурова, 2010, И.А. Подюков, 2003).

Характерной особенностью стиля писателя является народность. Л.Г. Самогик отмечает, что народность у В.П. Астафьева прежде всего представлена через естественную, ненавязчивую передачу народного мировосприятия, которая проявляется в определенных элементах сюжета, связанных с семьей, патриархальным бытом и патриархальными отношениями в деревне и в их авторской единодушной оценке [Самогик, 1998]. Народность так же выражена в особом образе автора, олицетворяющего народную мудрость, стабильность народных проявлений и оценок, отличных от «городских». Например, в затеси «Дуда» писатель рассказывает о детях-пионерах, поджегших избушку из-за того, что ни разу не видели настоящий пожар (*«Все видели: спутник, транзистор, телевизор, даже как человек по Луне ходит – видели, но живого пожара не видели, вот и подожгли пустую избу – из любопытства. Ветром подхватило пламя и смахнуло половину пустого села. Дети-пионеры не знали, что крестьяне в*

ветер даже печей не топили, боясь пожаров. Да что им, нашим многоразвитым деткам, чьи-то жилища – это все им чужое. Чужого не жалко»).

Народное миропонимание жизни тесно связано с элементами фольклора: использованием пословиц, поговорок, присловий и быличек; описанием обрядов, обычаев, поверий и суеверий, примет. В.П. Астафьев вводит их в текст или без изменений, или частично перефразируя. Пословицы, поговорки и другие устойчивые словосочетания и выражения, как пишет О.Н. Емельянова [Емельянова, 1998], занимают значительное место среди используемых писателем изобразительных средств, прежде всего потому, что в них заложены большие выразительные возможности: высокая степень обобщенности, эмоциональность, экспрессивность, стилистическая окрашенность, образность. Автор передает нам свое мироощущение удивительным по художественной выразительности емким, пластичным языком. Устойчивые обороты придают авторской речи меткость, свойственной народному языку, а в речи персонажей выступают как яркое средство языковой и стилистической характеристики (*«Кузяка шнырял по лесу, садился на камни, на тропу, на мое плечо, на голову, и слышалось его непрерывное «цырк-цырк!» – приветствовал он меня или благодарил, унося зерно в ухоронку, может, просто ободрял пернатый народ, мол, не бойсь, ребята, всех прокормлю. А может, и посмеивался надо мною: «На наш век дураков хватит!» («Кузяка»); «Говорят, что трезвого и умного Бог бережет, а пьяницу и дурного охотника – черт. И не иначе как черт подсунул мне громадный пук колючей шипицы, и я в этот куст въехал ногами» («Ягодка»); «Весь я кипел от негодования и ждал вечера, когда снимемся с наблюдательного и придем в лес, «потолковать» с новичком и навсегда внушить ему древнюю мудрость: «Знай край, да не падай!..» («Бедный зверь»), «А года-то были суровые, послевоенные, пей, да дело разумей, не забывайся, не расслабляйся. В Азии находишься, здесь мягко стелют, да жестко спать» («Развращенец»); «И вели, и вели свою*

непреклонную, прямую борозду и довели-таки ее до наших дней и, как опять же говорится в народе, вовсе разучившемся работать, – допахались до тюки, нет ни хлеба, ни муки...» («Исторический пример»); *«Есть, есть что-то в природе, соединяющее души или дух помимо чьей-то воли, чьих-то намерений и тем паче указаний. По указке жить – скотом быть!»* («Блажь»)).

В статье В. Тихомирова «Слово, одно другого звучнее (о языке прозы)» [Тихомиров, 1981] затрагивается проблема словоупотребления в произведениях В.П. Астафьева. По мнению исследователя, стихия народного говора позволяет сблизить автора и героев произведений, наиболее точно представить предметы и явления, добавить человеческие эмоции, нарисовать характер мышления героя. Н. Яновский отмечает, что народная речь отображает особенности мировосприятия персонажей и повествователя, демонстрирует противопоставленность «выхолощенному, «безупречному» языку ревнителей некоторой грамотности и академической гладкости», напоминает, что «русский язык, русские слова, и сейчас бытующие в народе, мы не знаем» [Яновский, 1982]. Л.Г. Самотик, В. Курбатов обращают внимание на то, что особенности национального языка в творчестве В.П. Астафьева позволяют связывать поколения и культуры, возвращаться к глубинным слоям судьбы поколения [Самотик, 1994, Курбатов, 1983].

Виктор Петрович часто сам останавливается на языковых проблемах художественного текста в статьях, письмах, беседах и сетует на то, что «мы не знаем своего родного языка, не умеем, не научены им с толком пользоваться» [Астафьев, 1998].

И.А. Подюков отмечает такую характерную особенность стиля писателя, как «пристрастие к народному (диалектному, просторечному) слову» [Подюков, 2002]. Практически в каждой миниатюре можно встретить диалектное слово. Л.Г. Самотик в своих работах [Самотик, 1998] выделяет следующие функции диалектизмов: моделирующая, характерологическая, номинативная, эмотивная, кульминативная, эстетическая, фатическая и

метаязыковая. Рассмотрим приведенные функции на примере диалектизмов в записях красноярского периода.

Моделирующая функция реализуется в передаче подлинной народной речи. Использование внелитературной лексики в речи героя служит для его социальной, территориальной или индивидуальной характеристики: *«В лесу черница цвела, рябина и всякая ягода. Мы перемещались с участка на участок. Я тянул сани с будкой. В будке были такие же вот трудяги (прост.), как вы, и струмент... Еду. Дремлю. По радиатору ветками хлещет, по кабине шебаршит (прост.)»*. В отрывке представлена речь лесоруба Алехи, отражающая его социальное положение, а также предположительную территорию проживания, что выражается в употреблении слова *черница* вместо *черника* и замены буквы «щ» двойной твердой «ш» («Алеха»). В авторской речи используется прием отчуждения, при котором указывается источник диалектизма: *«Гнезда поползень, его в нашей местности лазутиком зовут, вьет очень редко, он занимает старые дупла...»* («Кузяка»); *«Книги он писал только на злобу дня, и они у него пеклись, как блины на масленицу, а если сказать по-уральскому, как шаньги»* («Развращенец»). При косвенном отчуждении диалектное слово выделяется графически: *«Как она училась, я тоже не помню, скорей всего на «песики»...»* («Как закалялась сталь»)

Номинативная функция приобретает в данной группе слов особое значение через этнографизмы – слова, обозначающие специфические для культуры региона предметы и явления, не переводимые на литературный язык: *«И только брови налились красной яростью, горели воинственно, зоревой дугою охватив глаза, то и дело затягивающиеся непроницаемой, слепой пленкой таежной темнозори, забвением тоскующего самца»* («Унижение»); *«Ворона, которая постарей да поопытней, съестное урвет или добудет – скорее молчком махает в бурьян, под застреху сарая либо в заломы бревен...»* («Тихая птица»); *«Корзинка легко отделилась от девушки, выпало из нее короткое тело и сделалось видно подогнутую, узелком*

связанную юбку, а в корзине-гнездышке – **куделя**, ватка, чистая тряпица» («Ягодка»).

Эмотивная функция – передача через диалектизмы субъективного отношения к сообщаемому как героя, так и автора произведения: «Здесь он вконец разленился, **«изварлыжился»**, как говорил его отец, и только из-за лени, дежуря по номеру, однажды зачеркнул «вынос», два лишних абзаца на полях газетной полосы, не составив труда даже заглянуть, что там, в этом выносе писано; Какое-то время он пожил у одной, у другой артистки, **позимогорил** на дачах богатых писателей, поел щей и капусты в подмосковных Домах творчества...» («Развращенец»); «Не знаю, радоваться или печалиться тем, что нынешним молодым **междомкам** нашим все равно где жить – у них утрачено чувство дома родного» («Раздумья в небе»).

Кульминативная функция – привлечение к слову внимания читателя – осуществляется через прием нарушения цельности графического образа слова и через введение в текст слов, чужеродных системе литературного языка: «Молодой, недавно прибывший из пополнения связист, громко окая и по-беличьи цокая, бойко кричавший: «Ноль-ноль-**пяць!**», «**Повторици!**», «**Не орици!**» – замолк и не откликался с батареи» («Бедный зверь»); «Увидев, что та разжилась рыбкой... бросаются вслед за добытчицей, быстро настигают и атакуют ее со всех сторон, рыча при этом и каркая. Кажется, я даже разбираю, что они кричат: «Отдай, **хар-харя**, отдай! Наш **харррч! Харррч!..**» («Тихая птица»).

Фатическая функция диалектизмов связана с особым образом автора – человека из народа, близкого своим героям и читателю. Диалектизмы достаточно часто встречаются в авторской речи: «**Пропадешь тут нежрамиши!**» – подумал я» («Афганец у ног президента»); «В детдоме в коридоре висел репродуктор, и однажды в нем раздался голос, ни на чей не похожий, чем-то меня... раздражавший. «**Ха, блимба! Орет как жеребец!**» – сказал я и выдернул вилку репродуктора из розетки» («Постскриптум»); «Я

ликовал: *«Знай наших! У вас магазины от товаров ломаются, зато Нестеренко **нету!**»* («Благословляю вас»).

Примеров эстетической функции, связанной с вниманием к диалектизму, как к слову, обладающему особыми свойствами по сравнению с литературной лексикой, и метаязыковой функции, связанной с вниманием читателя на слове как таковом, в пятой и шестой тетради книги «Затеси» нет.

Помимо диалектизмов, являющихся стилистической доминантой текстов, писатель использует:

– разговорную лексику: *«И пусть там где-то, за этой рекой, за горами, за долами суета, голодная, злобная **толкотня, говорильня** о перестройке – у нас здесь даже радио нет»* («Крик в тайге»); *«Нашим бы женищинам, **волохающим (жарг.)** на производстве... да мечтающим о том, чтобы муж домой явился хотя бы с частью **получки**...»* («Максик»);

– просторечия: *«– Что я вам, клоун что ли?! – **окрысился** я на эту пару...»* («Щелкунчик»); *«...как глупого мелкого ельца, **хряпнуло** бревнами, оглушило речного красавца...»* («Мертвый таймень»); *«**Сброд и шпана** рождают **сбродное** злобное искусство, народ – народное ликующее»* («Последняя народная симфония»);

– жаргонизмы: *«...и кроет своих детушек подслушанными на берегу, от **пьянчуг (прост.)** почерпнутыми словами, главным образом блатными: **«Фрайерра! Харрри! Трррепачи! Трретий срок на земле мотааете, а жрратву, корррм урррвать не можете, хмырри!»*** («Тихая птица»); *«Взялся бегать за **подранком**, забыл глядеть под ноги... резиновые сапоги со сношенной резьбой соскользнули»* («Ягодка»);

– обценную лексику: *«Про это надо в газетах писать, а не про бабов-**курвов**, что детей плодят и по всему белому свету рассеивают...»* («Алеха»);

– архаизмы: *«И братья-крепьшии, сибиряки, и подвиг их творческий **ужли** напрасны?»* («Последняя народная симфония»); *«Осенью, после туристической **путины**, обнаружилась у него дурная болезнь»*

(«Развращенец»); «...классный журнал начал менять свой **лик**, полниться положительными отметками, дисциплина в классе подтягивалась» («Как закалялась сталь»);

– нациолектизмы: «– Коля, как вы сочинили эту великую и страшную песню?... – Толя работал в черкасском народном хоре, нынче он называется **академичным**» («Печален лик поэта»);

– экзотизмы: «Они ездили по горным **аулам**, сзывали крестьян в колхозы... Избивая друга, с которым делил хлеб и соль, **чурек** и кусок козьего сыра...» («Навеки спасибо»);

– варваризмы: «Мама, немецкая мама **киндера** своего тоже не забудет, не заболтается с подружкой, не отведет душу в очереди, потому как очередей у них не бывает» («Максик»).

Яркая особенность идиостиля В.П. Астафьева – поэтичность: проникнутость художественного текста образностью, эмоциональностью, экспрессивностью, фигурами речи [Блинова, 2004]. Выявляя тропеические и стилистические средства выразительности в текстах В. П. Астафьева, можно выявить тропы и фигуры, которым писатель отдает предпочтение. Анализируя их использование в текстах, можно увидеть особенности их освоения автором [В.П. Астафьев. Словарь-справочник, 2019].

Затеси насыщены образными языковыми единицами – метафорами («...до зимних заметей стоять будут гордые, высокие деревья в закатно догорающей **сердцевине хвойного кружева**; золотом писанная, **красуется ... надпись**» («Блажь»)); творительным подобия («...ломанной **костью белеющие, поверженные деревья**» («Выстоять»)); сравнительными оборотами («Она ворвалась в наше искусство, как в старые годы **врывался в выжидательно притихшее селение нарядный, звонкий, стремительный свадебный поезд**» («Все о тебе»)); сравнительными наречиями («**взломачено, сердито** кружась, вылетает из теснин и завалов смятая река» («Крик в тайге»), «**выдохнул скорбно и всепрощающе**» («Унижение»)).

Одним из распространенных тропов в прозе В. П. Астафьева является метафора. В основе этого тропа лежит образное сравнение, базой которого служит семантическая двойственность слова или выражения. Прежде всего Астафьев использует персонифицированную, олицетворяющую метафору, строящуюся по антропоморфной модели: *«деревья стоят по колено, а где и по горло в голом, неродливом равнодушном навале камней»* («Гнездышки»), *«Лишь ромашки светились в логах с открытой доверчивостью, да колокольцы, стыдливо склонившись к земле, тихо позванивали кому-то назревшими молоточками семян»* («Дуда»). Объектом сравнения могут выступать части человеческого тела (*«...выпрастываются каменья, да все причудливых, колдовских форм: то баба ядреная телом, без шеи, с маленькой круглой головкой, с надсаженным пузом вызывающе дерзкой грудью выйдет на склон»* («Кузяка»)), действия людей (*«...лилиями, улыбающимися яркому новому утру»* («Дуда»)), человеческая деятельность (*«...кажется рухнет разом стонущая, скрипящая, ничем и никем не защищенная лесная рать»* («Выстоять»)), физическое или эмоциональное состояние и его изменение (*речка мается* («Кузяка»), *в неродливом равнодушном навале камней* («Гнездышки»), *стоит, сиротливо прислонившись к берегу* («Старый корабль»)).

Другое распространенное средство художественной выразительности в записках – сравнение, часто выражающееся компаративными оборотами с союзами: *«И повезла певица спектакль «на себе», как телегу с битым кирпичом, и задвигались вокруг исполнители, и дирижерская палочка над оркестровой ямой живой щетинкой замелькала»* («Все о тебе»); *«Листья сразу же краснеть заторопились, деревце будто детскими праздничными флажками украсилось»* («Кленовая палочка»); *«В Сибири вороны черны, что головешки, никакого просвета на теле, никаких теней и оттенков, и характер у здешней вороны, как у черного каторжника: ни себе, ни птицам, ни людям от нее покоя нет»* («Тихая птица»).

Также автором активно используются формы творительного падежа сравнения: *«И тогда являлась в класс учительница мужицкого роста, с мужицким голосом, в мужицкой белой рубахе с отложным воротничком, из-под которой на деревянно выпяченную грудь свисал соленой горбушей блестящий галстук с большим узлом»* («Так закалялась сталь»); *«Из воды камни торчали. Они **кляксами** на чистой воде казались»* («Ягодка»).

В затеях часто встречаются лексические способы выражения сравнения при помощи слов со значением сравнения (похожий, напоминает): *«Мое внимание привлекли неподвижно стоящие возле воды животные, издали **похожие** на наши деревенские скамеечки, к которым приставлены длинные шеи с головой»* («Больные ламы»); *«В одном месте, почти над дорогой, есть круглый камень, **напоминающий** корабль, рухнувший с небес и одним ребром впаявшийся в алтайскую гористую местность»* («Кузяка»).

Одной из примет художественной речи В. П. Астафьева является использование развернутых сравнений: *«Вольфганг Казак относился к поношениям передовой советской критики и ко всему, что у нас происходило... с грустной иронией, как и положено взрослому образованному человеку относится к проделками неразумных детей, бьющих посуду, разоряющих гнезда птиц, травящих дворовую собачонку, привязанную на цепь»* («Максик»).

В.П. Астафьев употребляет сравнения в различных функциях, например в портретных зарисовках: *«Все повидавшие и пережившие на своем веку музыканты крымского оркестра со славной, **на муравьишку похожей**, молоденькой дирижершей Зинаидой Тыкач»* («Постскриптум»); *«...кивал головой со спутано на ней шевелящимися, давно не стриженными, до плеч поросшими кудрями, которые над его лицом...казались **париком времени королей Людовиков**»* («Развращенец»).

С помощью сравнений писатель показывает изменения в состоянии героев, их душевные переживания, действия персонажей: *«Вовсе не выходит из «окна» в преисподнюю один верткий артист, режиссер и общественный*

деятель, от хлопот и забот вовсе облысевший, оседлал телевизор, как рысака» («Последний трагик России»); «Аж все сердце зашлося, как с большого похмелья» («Алеха»).

Широко используются сравнения при описании природы или местности: *«Пришли мы, значит, на прием, а там уж пир горой, гул, как на стадионе имени товарища Хрущева, когда там встречались в старые, дружбой овеванные времена, киевское "Динамо" и московский "Спартак" («Афганец у ног президента»); «Нет, как камень сделалась птица» («Алеха).*

Одним из самых распространенных в художественной литературе тропов является эпитет. Автор использует простые – *колдовские формы*, сложные – *на тряпично-вялой траве*, составные – *пленкой таежной темноты*. В записях В. П. Астафьева представлены эпитеты-прилагательные: *«Я не пишу и почти не рассказываю о заграничных поездках – ни к чему себя и людей расстраивать, у них и без того жизнь черная» («Больные ламы»)* и эпитеты-причастия: *«Та израненная, заигранная, оплаканная и поцарапанная пластинка хранится у меня до сих пор» («Навеки спасибо»).*

В.П. Астафьев широко использует тропы и фигуры, пользуется разговорной лексикой, в речи персонажей есть профессионализмы, просторечия, диалектизмы, арготические слова. Народное слово в творчестве В. П. Астафьева несет особую эстетическую и мировоззренческую нагрузку, воспринимается автором как способ привнесения в текст элементов народной культуры

Выводы по второй главе

Итак, мы рассмотрели идейно-тематические и художественные особенности пятой и шестой тетради книги «Затеси». В результате анализа тетради «Древнее, вечное» мы выяснили, что основной темой затесей является взаимоотношение природы и человека: разрушение природы, ее уничтожение человеком, губительное влияние технического прогресса. Также есть темы, отражающие положительное влияние природы на человека, их единство. В затесях пятой тетради автор часто проводит параллели между природой и человеком. Основная проблема тетради – проблема экологии.

Нами было выяснено и то, что В.П. Астафьев продолжает развивать такие типы героев как охотники, лесорубы. Главным местом действия остается природа – тайга, Енисей.

Семантическое подполе «Древнее, вечное» содержит идеи древнего как вечного и вечного как коррелята Божественного. Слово «древнее» указывает на отнесенность к прошлому, «вечное» – на сохранение «древнего» в настоящем.

Основные темы тетради «Последняя народная симфония» – неприятие современной жизни, жалость утраты национального, противопоставление творчества и несправедливой жизни, а также темы музыки и поиска родного мира.

В этой тетради значительно в меньшей степени развиваются привычные положительные персонажи и места действия. Здесь почти нет природы. Героями многих затесей являются творческие люди. Появляются отрицательные в творчестве Астафьева персонажи – жители города.

Основными признаками идиостиля писателя являются народность и поэтичность. Причина частого обращения к народной речи – это языковая среда, в которой вырос писатель. Народное слово самоценно для писателя тем, что во всей полноте доносит интимность, естественность человеческих эмоций, их накал и силу.

Глава 3. Организация внеурочной работы по литературе (на материале шестой тетради книги «Затеси»)

Одной из важных составляющих учебно-воспитательного процесса является внеурочная деятельность. Регламентация организации внеурочной деятельности отражается в таких государственных документах, как ФЗ «Об Образовании в РФ» № 273 от 29 декабря 2012 года, Письме Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2011 года № 03-296 «Об организации внеурочной деятельности при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования», Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования, утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 года № 1897.

Согласно ФГОС, внеурочная деятельность – это образовательная деятельность, осуществляемая в формах, отличных от классно-урочной, и направленная на достижение планируемых результатов освоения основной образовательной программы общего образования [О внесении изменений, 2014].

Являясь неотъемлемой частью образовательного процесса, внеурочная деятельность направлена на развитие и становление личности, социализацию, привитие духовно-нравственных ценностей и культурных традиций, достижение личностных и метапредметных результатов освоения обучающимися основной программы основного общего образования. Как отмечает Т.А. Ильина, во время внеурочной деятельности у школьников углубляется интерес к различным областям знаний и видам деятельности, раскрываются и развиваются их таланты и способности, общественная и познавательная активность [Ильина, 1984].

В связи с этим выделяются следующие задачи внеурочной работы: обеспечить комфортную среду обучающимся в школе; обеспечить эмоциональный и физический отдых детей; создать все необходимые условия

для развития у обучающихся личных интересов, привития духовно-нравственных и культурных ценностей.

Внеурочная деятельность организуется по направлениям развития личности (спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное) в таких формах, как художественные, культурологические, филологические, хоровые студии, сетевые сообщества, школьные спортивные клубы и секции, юношеские организации, научно-практические конференции, школьные научные общества, олимпиады, поисковые и научные исследования, общественно полезные практики, военно-патриотические объединения и другие формы, отличные от урочной [Об утверждении ФГОС, 2014]

Мы предлагаем провести урок-исследование, на котором школьники под руководством учителя приобретут навыки анализа художественного текста. Исследовательская деятельность учащихся – образовательная технология, использующая в качестве главного средства учебное исследование, предполагает выполнение учебных исследовательских задач с заранее неизвестным решением, направленных на создание представления об объекте и явлении окружающего мира, под руководством специалиста [Леонтович, 2001]. Целью такого урока является приобретение учащимися навыка исследования как универсального способа новых знаний, развитие способности к исследовательскому типу мышления.

Покажем особенности названного урока на примере темы: «“Музыка – молитва пробуждения человеческой души...”» по рассказам В.П. Астафьева шестой тетради книги «Затеси».

Наиболее целесообразно, по нашему мнению, использовать нетрадиционную форму урока, способствующую большей гибкости учебно-воспитательного процесса. Появление нетрадиционных форм обучения связано с идеей децентрализации функций преподавателя (то есть частичной передачи школьникам учительских функций: планирование, управление, анализ [Банникова, 2003]. Большое разнообразие нестандартных уроков

основано на совместной деятельности учителя и учащихся, на поиске, на эксперименте по обработке новых приемов с целью активизации обучения, повышения эффективности учебно-воспитательного процесса.

В качестве такой формы мы предлагаем литературную гостиную, являющуюся одним из самых известных и популярных жанров неформального литературного общения и позволяющую прикоснуться к миру культуры через особую форму творческого взаимодействия. Таким образом, урок является синтезом проблемно-исследовательской и творческой деятельности.

Задача учителя – помочь учащимся осознать свои возможности, создать условия для их оптимального развития, креативности, стимулировать саморазвитие личности.

Обязательными компонентами такого урока являются эстетический и нравственный, что способствует формированию эстетических взглядов, чутья, мировоззрения, нравственной ориентации на высшие человеческие ценности [Козлова, 2016].

Урок подобного формата подготавливается учителем вместе с учениками, что поможет им реализовать свои творческие способности. Начинать подготовку рекомендуется за 1-2 недели. Ученики делятся на группы и распределяют обязанности. Одна группа участвует в подготовке сценария (с помощью учителя), другая оформляет кабинет в соответствии с выбранной формой урока «Литературная гостиная» (портрет писателя, фотографии, выставка книг). Участники третьей группы подбирают отрывки из затесей и готовятся читать их выразительно или наизусть. Класс делится на группы, каждая из которых читает те или иные рассказы из тетради «Последняя народная симфония» («Мечта», «Последняя народная симфония», «Щелкунчик», «Печален лик поэта», «Выстоять», «Всё о тебе», «Благословляю вас», «Самый памятный гонорар», «Кленовая палочка», «Дуда», «Аве Мария», «Вам не понять моей печали»). Также группа учеников готовит небольшой доклад о жанровых особенностях затесей. Для

этого можно предложить детям использовать литературоведческие («“Затеси”, короткие рассказы» [Словарь-справочник, 2019], Блинова, О.И. «Затеси» в прозе и жизни Виктора Астафьева [2012]), публицистические статьи (Э. Русаков «“Затеси” – зарубки на сердце» [2003]), работы В.П. Астафьева («Поход по метам», «Комментарий» [Астафьев, 1997]).

Также необходимо подготовить любимые музыкальные композиции В.П. Астафьева для сопровождения чтения отрывков. Мы рекомендуем следующие: «Неоконченная симфония», «Аве Мария» Ф. Шуберта, «Симфония №5», балет «Щелкунчик» П.И. Чайковского, «Реквием» Верди, произведения Г.В. Свиридова. Музыкальное сопровождение может подготовить группа учеников.

Урок начинается с обсуждения понимания темы: «Музыка – молитва пробуждения человеческой души». Ученики размышляют над тем, как они понимают цитату? что такое молитва? как она может пробудить человеческую душу? какие у них ожидания от урока?

Затем вступительное слово предоставляется ведущим, знакомящим со словами В.П. Астафьева: «Музыка – это самое честное из всего, что человек взял в природе и отзвуком воссоздал и воссоединил, и только музыке дано беседовать с человеком наедине, касаться каждого сердца по отдельности» (звучит «Симфония №8» Ф. Шуберта).

Перед обсуждением группа учащихся выступает с докладом об особенностях затесей как лирико-философских миниатюр. Отмечается их поэтичность и музыкальность, сходство со «стихотворениями в прозе».

После вступительного слова начинается исследование тематики. Учащиеся выразительно читают выбранные ими произведения и определяют аспекты темы.

Начать рекомендуется с миниатюры «Мечта», которая открывает сборник «Последняя народная симфония». Ученики ищут ответ на вопрос: «Чем является музыка для рассказчика?» Можно сопоставить миниатюру со стихотворениями поэта XX века Николая Рубцова, так как по убеждению

В.В. Кожина, в его поэзии есть «отблеск *безграничности*, ибо у него был дар всем существом слышать ту звучащую стихию, которая несоизмеримо больше и его, и любого из нас, – стихию народа, природы, Вселенной» [Кожин, 1982], что схоже с позицией В.П. Астафьева. В затеси «Мечта» музыка является духовным «языком» материального мира, противопоставляет «суете и скверне житейской», воссоединяет человека «на вечном покое» с «родной землей».

По Рубцову, голос родной природы – это мелодия. Лирический герой воспринимает мир именно в его звучании: «И пеня нет, но ясно слышу я / незримых певчих пенье хоровое...» [«Привет, Россия!»]. Звучание родной природы возвышается автором до прекрасной мелодии: шум листвы, ветра, дождя – это музыка, наполняющая пространство мира [Москвина, 2014].

Связь между произведениями писателей можно увидеть и через затронутую в затеси тему смерти. Так, у Николая Рубцова в стихотворении «Прощальная» в повседневную реальность через звучание проникает посторонний мир – «печальные звуки, которых не слышит никто», кроме лирического героя. Эти звуки образуют таинственную мелодию человеческого бытия, выражающего глубинную, невыразимую сущность образа Родины [Чернова, 2017].

Развивая эту тему ученики обратятся к затеси «Выстоять», в которой музыка предстает «дивным созданием человека, вечной загадкой и усладой». Музыка создается человеком для человека, чтобы возвратить, сохранить и развить «все лучшее», что есть в человеке и на земле (звучит «Симфония №8» Шуберта).

Отсюда следующее направление поиска, к которому переходят ученики, – роль музыки в жизни человека. От групп, читавших разные затеси, выступают представители и рассказывают классу, как раскрывается тема в изученном ими произведении. Звучат отрывки из затесей «Выстоять», «Аве Мария», «Щелкунчик», «Благословляю вас» (звучит «Ave Maria» Франца Шуберта). Вместе школьники находят следующее значение музыки:

– Помогает справиться с трудностями, физическими и духовными страданиями (*«Много раз в тайге сибирской, в уединении, среди ночи, в горах, под живым и вечным небом слышался мне твой знакомый голос и песнь твоя жизнедарящая. Они поддерживали и поддерживают меня в этом грозном мире, помогали и помогают работать», ««певец является для того, чтоб, страдая вместе с нами и за нас, сделать людей добрее и лучше»* [Астафьев, 1997])

– Спасает человека, русский народ (*«Мощным хором возносится композитор в поднебесье, набатным колоколом зовет Россию и русский народ: выстоять! Выпрямиться, как тот лес, та могучая тайга под ураганами и бурями!»* [Астафьев, 1997])

– Противостоит злу, несет в мир добро, любовь, красоту (*«Эх, Щелкунчик, Щелкунчик! Светлый праздник! Был ли ты? Девочки–куколки миленькие, где вы? Что с вами? Как живете-то? С кем живете? Деньги, еда, уголок свой теплый у вас есть ли? Дай вам Бог вечной радости, какую вы мне и добрым людям дарили когда-то»* [Астафьев, 1997]).

– Делает жизнь человека счастливее (*«певец и рождается, чтоб одарить людей светом, чтоб разделить богатство свое, свой восторг с ними, ну и поубавить в мире печали, боли и горя»* [Астафьев, 1997])

– Духовно возносит человека (*«Музыка возвращает человеку все лучшее, что есть в нем и пребудет на земле... Музыка и природа – это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не дает ему окончательно одичать», «Слава Творцу за то еще, что Своего вестника послал Он к нам, чтобы возвысить нас, утешить нас, все далее и далее уводя от животного»* [Астафьев, 1997])

Размышляя над ролью музыки в жизни человека, школьники могут заметить еще две важные проблемы, раскрывающиеся в предложенных им затесях: взаимосвязь музыки и природы и значение современного искусства. В уже прочитанных затесях («Выстоять», «Кленовая палочка», «Все о тебе») ученики могут найти разрешение этих проблем. Так, в затеси «Выстоять»

проводится параллель между борющимся со стихиями лесом и выживающими в этом мире людьми. В «Кленовой палочке» музыку и природу сближает палочка дирижера. (*«Встанешь на колени, прижмешься ухом к листку, и кажется, оттуда, из листика, младенческое дыхание слышно, а из плоти деревца, впившегося корешком в живую, древнюю землю, доносится тихая–тихая музыка»* [Астафьев, 1997]) (ученики читают отрывки под произведения Георгия Васильевича Свиридова).

Разговор о псевдотворчестве (лжетворчестве) можно начать с выразительного чтения отрывка письма (это и следующие письма читает один ученик) В.П. Астафьева Е.Ф. Светланову (1988) [Приложение А], в котором писатель определяет пагубное воздействие лже–музыки: подавление индивидуальности, омассовление, уничтожение (*«Лже-музыку, как и массовую культуру, можно навязать человеку, даже подавить его индивидуальность, сделать единице-массой в дёргающемся стадо-человеке, насадить, как картошку, редиску и даже отравно горькую редьку, но съедаемую, потому что все едят»* [Астафьев, 1997]).

Ученикам предлагается развить эту тему, опираясь на затеси «Выстоять», «Всё о тебе», «Последняя народная симфония». По мнению писателя, псевдотворчество – это бездуховный и бездумный процесс. В результате такого процесса ни материальные, ни духовные ценности невозможны. Псевдотворчество, как и творчество, имеет ряд признаков, которые и лишают его права быть истинным, подлинным искусством. Оно создается быстро в корыстных целях и лишено духовного и народного начала. Это «бесовство», «оглушающая вакханалия», «бездумная дикая пляска», «рев одичавшего исчадья, потерявшего себя и свой стыд, «сбродное злобное искусство», порождаемое «сбродом и шпаной».

При обсуждении этой темы у учеников может возникнуть потребность в дискуссии, связанной с внутренним несогласием с тем, является ли современная музыка «сбродным злобным искусством». Один из приемов – обращение к личному мировоззрению – позволяет организовать небольшую

дискуссию с целью ознакомления с чужой точкой зрения, обмена мнениями как «информацией для размышления» (не доказать свою позицию и не выработать общую точку зрения). Такая работа поможет развивать критическое мышление, формировать демократизм мысли и отношений, открытость суждений, честность высказываний и отвечать на многие вопросы, поставленные сегодняшним днем. Также значим «сопутствующий результат» учебной дискуссии – формирование коммуникативной и дискуссионной культуры [Тихвинская, 2014].

Частью дискуссии может стать поиск ответа на последний на занятии вопрос: «Какое значение имеет народная музыка для писателя?» Ученики анализируют затесь «Дуда» и приходят к выводу, что народная музыка реализует связь между прошлым и будущим, становится проводником в мир Древней Руси (*«Звучит дуда гнусаво, придавлено... но все ладнее, все чище звуки ее, и сквозь захлестнутые мокром ресницы я вижу на другом берегу реки как бы раздавленную веками, знакомую мне до боли страну под названием «Русь» и слышу древнюю, все еще не угасшую в моем сердце песнь моей прекрасной и далекой Родины»* [Астафьев, 1997]) (прослушать с учениками звуки дудки). Выразительное чтение миниатюры «Последняя народная симфония» позволит понять, что именно в жизни народа автор видит мир, где еще осталось что-то хорошее и именно народное творчество может его спасти (*«Где, из чего взять веру в завтрашний день, ведь она без народной музыки, без пляски, песни и радости невозможна»* [Астафьев, 1997]). Это и есть «последняя народная симфония», исчезающая вместе с народом: *«Где же наш народ? Куда он улетел? Куда уехал? Убыл надолго ли и песни с собой унес?»* [Астафьев, 1997] Можно сопоставить с отрывком из письма Г.В. Свиридову (1981) [Приложение Б] или стихотворением Николая Рубцова «Чудный месяц плывет над рекой», в котором цитируется один из вариантов народной песни, воспринятой слухом лирического субъекта и способствующей его успокоению (в качестве сопровождения можно использовать произведения Г.В. Свиридова. Также, обсуждая стихотворение

Н.Рубцова можно прослушать одну из версий народной песни «Чудный месяц плывет над рекой / Все в объятиях ночной тишины»).

На заключительном этапе ученики вместе с учителем делают вывод, что музыка имеет большое значение в творчестве В.П. Астафьева. Писатель отводит ей особую роль. Она помогает преодолеть трудности, противостоять злу, стать счастливее. Музыка, наравне с природой, является высшей ценностью бытия человека. В письмах и рассказах В.П. Астафьев говорит о значении классической и народной музыки. Противопоставляя лжемузыке истинную, писатель называет ее «молитвою пробуждения человеческой души, воскресения того, что заложено в человеке природой и Богом – для сотворения красоты и добра».

Данный урок позволяет включать большую часть класса в активную учебную деятельность, организовывать работу всего коллектива. Групповая форма дает возможность выбора учащимся реализовать себя в той или иной деятельности при подготовке урока и на этапе его проведения. Индивидуальная форма является хорошим средством организации деятельности сознательных учеников, которые с удовольствием выполняют задание без помощи учителя, мобилизуя для этого талант и умственные силы. Учитель наблюдает и контролирует работу, оказывает помощь тем, кто испытывает затруднения.

Исследовательская деятельность на уроке приучает к внимательной работе с источниками, учит ориентироваться в сложном потоке информации. У учеников формируется способность самостоятельно мыслить, добывать и применять знания, планировать действия, эффективно сотрудничать в группах. Элемент дискуссии развивает умение выражать свою точку зрения, занимать собственную позицию. Литературная гостиная как место проведения урока способствует формированию эстетических и психологических механизмов общения человека с искусством, расширяет литературное образование.

Заключение

Целью нашей работы являлось выявление идейно-тематического и художественного единства коротких рассказов из книги «Затеси», созданных в красноярский период творчества. В работе мы опирались на периодизацию творчества В.П. Астафьева, предложенную П.А. Гончаровым.

Для достижения этой цели мы изучили роль творчества Астафьева в отечественной литературе и выявили особенности затесей как малого прозаического жанра. В красноярский период творчества происходит завершение эволюции от пантеизма к христианскому мировосприятию, обогащение поэтики и стиля за счет синтеза трагического и комического в образности произведений. Нами было выяснено, что писатель одним из первых во второй половине XX века развивал жанр миниатюры. Он создал «затеси» – короткие рассказы, воспоминания, лирико-философские раздумья о жизни, о природе, о любви, бытовые зарисовки, объединенные в семь тетрадей идейно-тематическим и художественным звучанием.

В работе мы провели анализ пятой и шестой тетрадей книги «Затеси» и установили их тематические и стилистические особенности.

В сборнике «Древнее, вечное» нами было изучено 19 текстов. Они объединены общей темой, как правило, деструктивного влияния человека на природу. Автор старается показать нам, что гармоничные взаимоотношения человека и природы – это основа национально-исторического уклада жизни, способствующего формированию духовной культуры народа. Ключевой проблемой является проблема экологии как природы или среды обитания всего живого (обычно в плохом состоянии). Чаще всего человек прямо или косвенно (в связи с техническим прогрессом) разрушает, порабощает, уничтожает природу. Также есть темы, отражающие положительное влияние природы на человека, их единство. Природа не только стоит выше человека, но и может помочь ему возвыситься.

Действующими лицами в затесях пятой тетради являются люди близкие к природе: охотники, лесорубы. В большинстве затесей фигурирует только рассказчик, описывающий события и свое отношение к ним.

Основное место действия – тайга, река (Енисей) или же противоположные им по свободе природы зоопарк или санаторий.

Тетрадь объединена идеями древнего и вечного. Слово «древнее» указывает на отнесенность к прошлому, «вечное» – на сохранение «древнего» в настоящем. При этом «древнее» предполагает причастность человека к природной жизни, органическую зависимость от нее. Связь с природой – это важная основа народной нравственности. Анализ тетради показал, что Астафьев считает эту связь исчезающей по вине человека, что ведет к дисгармонии мира.

В результате исследования 28 текстов тетради «Последняя народная симфония», относящихся к красноярскому периоду творчества, мы выяснили, что они объединены в цикл идеями утраты родного, народного, уходящего мира и неприятия современной жизни. В.П. Астафьев раскрывает эти идеи через противопоставление творчества и жизни, через мотив музыки как «неотгаданной и вечной тайны». С исчезновением народной музыки уходит и прежняя жизнь. Неприятие мира ведет к поиску другого, потерянного. Это крестьянско-христианский мир в его социально-нравственной неразделенности. Тема творчества определяет основных персонажей цикла – творческих людей, представленных, как правило, в трудные моменты их судьбы. Часто в этих же рассказах появляются политические деятели, противопоставленные поэтам или высмеянные сами по себе.

Характерной особенностью стиля писателя является народность, представленная через естественную передачу народного мировосприятия, что выражается в наличии элементов фольклора (пословицы, поговорки, присловия и былички), стилистически маркированной лексики, а именно неологизмов, диалектизмов, просторечий, национализмов, историзмов,

архаизмов, экзотизмов. Для стиля Астафьева характерны поэтичность и музыкальность, реализующиеся за счет эмоционально-экспрессивной лексики, которая позволяет достигнуть единства художественной формы всей книги, состоящей из сюжетно завершенных рассказов (эпитеты, метафоры, сравнения, параллелизмы).

Представленная нами методическая разработка внеклассного занятия («Музыка – молитва пробуждения человеческой души...») по рассказам шестой тетради книги «Затеси»), направлена на учеников 10-11 классов. Мы предлагаем провести урок-исследование, на котором школьники под руководством учителя приобретут навыки анализа художественного текста. Нетрадиционная форма урока (литературная гостиная) способствует формированию эстетических и психологических механизмов общения человека с искусством, расширяет литературное образование. В результате внеурочной деятельности ученики определяют значение музыки в жизни человека, выявят взаимосвязь музыки и природы, установят роль, которую писатель отводит современному искусству.

Список использованной литературы

1. «Затеси» – зарубки на сердце // Красноярский рабочий URL: http://www.krasrab.com/archive/2003/05/07/13/view_article (дата обращения: 28.04.20).
2. «Что древнее в нас...» // БУК ВО «Областная универсальная научная библиотека» URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/2as/taf/iev/skie/1.htm> (дата обращения: 05.05.20).
3. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12–й: публицистика. – Красноярск: ПИК "Офсет", 1998 – с. 608.
4. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Затеси: семь тетрадей. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 544 с.
5. Астафьев, В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.:
6. Астафьев, В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т.1: Подводя итоги. С. 5–66
7. Банникова, О.В. Литературная гостиная: опыт проведения урока по анализу «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева // Филологический класс. – 2003. – №2. – С. 64–66.
8. Блинова О.И. Очарованный словом: Заметки об идиостиле Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева в общественно–культурной и литературной жизни конца XX века: сб. материалов 1–й Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева, 7–9 сентября 2004 г. – Красноярск, 2005. – С. 116–118
9. Бобкова, Ю.Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В.П. Астафьева (на материале цикла «Затеси»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Пермь, 2007. – 23 с.
10. Большакова, А.Ю. В. Астафьев и русская литература второй половины XX века / А.Ю. Большакова // Феномен В.П. Астафьева в

общественно–культурной жизни конца XX века: сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 22–29

11. В.М. Шукшин: опыт комплексного описания творчества. Предварительные итоги и перспективы. Рецензия на книгу: Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь–справочник. Барнаул, 2004–2007. Т. 1–3. // КиберЛенинка URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-m-shukshin-opyt-kompleksnogo-opisaniya-tvorchestva-predvaritelnye-itogi-i-perspektivy-retsenziya-na-knigu-tvorchestvo-v-m-shukshina> (дата обращения: 09.04.20).

12. Виктор Петрович Астафьев. Словарь–справочник / Л.Г. Самотик, Т.Н. Садырина; Красноярск: РАСТР, 2019. 432 с.

13. Гончаров П.А. Творчество В.П.Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д–р. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2004. 52 с.

14. Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85–летию со дня рождения): библиогр. указ.: Гос. универс. науч. б–ка Краснояр. края; Краснояр. гос. пед. ун–т им. В.П. Астафьева. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 640 с.

15. Емельянова О.Н. Пословицы, поговорки, присловия в прозе Виктора Астафьева // Творчество А.П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: Матер. науч.–метод. конференции...– Красноярск–Ачинск. – 1998. – С.56–59.

16. Зубков, В.А. Наедине с Виктором Астафьевым: научно–популярное издание. – Пермь, 2011. – 150 с.

17. Зубков, В. А. «Затеси» как жанровая доминанта поздней прозы В. Астафьева / В.А. Зубков // Феномен В.П. Астафьева в общественно–культурной жизни конца XX века: сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 74–78

18. Ильина, Т.А. Педагогика: курс лекций: учеб. пособие для студентов пед. институтов / Т.А. Ильина. – М.: Просвещение, 1984. – 496 с

19. Ковалева А.И., Лебедева Н.В., Ревенко И.В., Садырина Т.Н., Самотик Л.Г. Творчество В.П. Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания: монография / под ред. Л.Г. Самотик, Т.Н. Садыриной: Красноярск. гос. пед. ун–т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – 314.
20. Кожинов, В. Затеси метят тропу // В. Кожинов // Литературное обозрение. – 1973. – №1 – С. 58–61.
21. Кожинов, В.В. Статьи о современной литературе / В.В. Кожинов. – М.: Современник, 1982. – 303 с
22. Козлова, Л.Н. Литературная гостиная – средство эстетического инравственного воспитания учащихся // Евразийский научный журнал. – 2016. – №11. – С. 254–255.
23. Коробов, В.И. Юрий Бондарев: страницы жизни, страницы творчества / В. И. Коробов. – Москва: Современник, 1984. – 368 с.
24. Кураев, М.Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – С. 621–627.
25. Леонтович А.В. В чем отличие исследовательской деятельности от других видов творческой деятельности // «Завуч», № 1, 2001.– 82 с.
26. Мазуров К.В., Мазурова Н.А., Кислицына Н.В. Художественная картина мира В.П.Астафьева / Материалы III Всероссийской научно–практической конференции «Научное творчество XXI века» с международным участием/ В мире научных открытий. – Красноярск, 2010. – № 6.3 (12).
27. Москвина, О.А. «НО ЯСНО СЛЫШУ Я...» (гармония зримого и звучащего мира в поэзии Николая Рубцова) // Наука и школа. – 2014. – №6. – С. 161–168.
28. На краю отечества // БУК ВО «Областная универсальная научная библиотека» URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/2as/taf/iev/skie/1.htm> (дата обращения: 05.05.20).

29. О внесении изменений в Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 1644 (зарегистрировано в Минюсте РФ 6 февраля 2015 г. Регистрационный № 35915).
30. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644)
31. Особенности стиля книги В.П. Астафьева «Затеси» // conf.sfu–kras.ru URL: <http://conf.sfu–kras.ru/sites/mn2015/> (дата обращения: 05.05.20).
32. Падерина, Л.Н. Особенности идиостиля В.П. Астафьева (обзор имеющихся исследований) // Эпоха науки, – 2016. – №6. – С. 170–180
33. Подюков И.А. Эстетика народной речи в поэтике В.П. Астафьева // 1–е Астафьевские чтения, 17–18 мая 2002 г. – Пермь, 2003. – С. 7–14.
34. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энцикл. – 1989. Т. 1. 672 с.
35. Самотик Л.Г. Народность языка произведений В.П. Астафьева. // Творчество В.П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты. Материалы научно–методической конференции. – Красноярск – Ачинск, 1998. – с. 46–56.
36. Самотик Л.Г. Слово русское, простое.// Енисей. – 1994. – №208. – С. 77–79. Курбатов В. Миг и вечность. Красноярск, 1983.
37. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004, 960 с (СТСРЯ)
38. Стадниченко, В. А. «Затеси» В. П. Астафьева: лирико–философские миниатюры в системе малых форм «Первой тетради» / В. А. Стадниченко, Н. П. Хрящева // Филологический класс. – 2017. – №2 (48). – С. 100–103.

39. Тихвинская, Н.Б. Дискуссионные формы обучения на уроке литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №11. – С. 189–193.
40. Тихомиров В. Слово, одно другого звучнее. // Красноярский рабочий. – 1981. – 14 августа. – С.3.
41. Торчинов, В.А., Леонтьук А.М. Вокруг Сталина: историко–биографический справочник. – СПб.: 2000. – 608 с.
42. Чернова, А.Е. Образ Родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова) // Культурологический журнал. – 2017. – №3
43. Шаповалова И.А. Рец.: Литературы народов России. XX век. Словарь. М.: Наука, 2005. 365 с. // Вестник Российской Академии наук. 2006. № 1. Т. 76. С. 90–91.
44. Шленская, Г.М. Повесть и рассказ (И.М. Лавров, В.М. Шукшин, В.В. Липатов, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин) // Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1982 Т.2. С. 497–543
45. Яновский, Н.Н. Виктор Астафьев: очерк творчества / Н. Н. Яновский. – Москва: Советский писатель, 1982. – 269 с.

Приложение А

Отрывок из письма В.П. Астафьева Е.Ф. Светланову

Ваш счастливый удел «махать» палочкой. Это у Вас получается страстно, вдохновенно, да и нельзя себе позволить в музыке впасть в невольный самообман и прекраснотуши. Музыка – это самое честное из всего, что человек взял в природе и отзвуком воссоздал и воссоединил, и только музыке дано беседовать с человеком наедине, касаться каждого сердца по отдельности. Лже–музыку, как и массовую культуру, можно навязать человеку, даже подавить его индивидуальность, сделать единице–массой в дёргающемся стадо–человеке, насадить, как картошку, редиску и даже отравно горькую редьку, но съедаемую, потому что все едят.

Настоящая музыка содержит в себе тайну, ни человеком, ни человечеством, слава богу, не отгаданную. В прикосновении к этой тайне, тайне прекрасной, содержащейся и в твоей душе, что сладко томит и тревожит тебя в минуты покоя и возвращения к себе, есть величайшее, единственное, от кого– то и от чего–то нам доставшееся, даже не искусство это (слово, к сожалению, как–то уж затаскано и не звучит), а то, что называется волшебством, я бы назвал – молитвою пробуждения человеческой души, воскресения того, что заложено в человеке природой и Богом – для сотворения красоты и добра.

Настоящая музыка, как и поэзия великая, они возвышают человека, а многое другое спешит унижить, дурно влиять на всё, что есть вокруг. Да и литература не без греха, тоже помогла человеку в самоуничижении. Однако русская классика возвеличивала человека, пробуждала в нём всё лучшее, что дала ему природа–мать.

Приложение Б

Отрывок из письма В.П. Астафьева Г.В. Свиридову

«...А в моей родной деревне осталась ещё родня, и иногда мы все поём, и осколки семей наших деревенских тоже ещё поют, иногда протяжно, вольно, со слезою. Вот эти часы я очень люблю, всегда они меня трогают и не дают вовсе упасть духом. Но все родичи уже старые, и, как «упадёт» один из хора – образуется дыра, и никто её уже не затыкает, ибо не знают нынешние парни и девки наших старых песен, стыдятся их, зато вихляться задами по–бабьи не стыдно. Ну что ж, наверное, самая отрадная и закономерная поговорка: «Другие времена, другие песни», не хочется с этим соглашаться, не хочется слышать какие–то завыванья на нерусский лад и вывёртывать горло не по–нашему тоже больно и неловко. Да что я об этом толкую! Вы–то всё это знаете и переживаете куда как больнее всех нас».